

Аманда Палмер

Х
Вануи
ны
И
начни
проси

Издательство АСТ
Москва

УДК 784.071.2(73)
ББК 85.364.1(3)
П14

Amanda Palmer
The ART of ASKING
Печатается с разрешения издательства
Grand Central Publishing
Hachette Book Group, New York, USA,
а также агентства Writers House и «Синописис».

Палмер, Аманда.

П14 Хватит быть. Начни просить / Аманда Палмер;
пер. с англ. В. Тен. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 352 с. [ил.]— (Бестселлеры психологии).

ISBN 978-5-17-091361-9.

Аманда считает, что люди слишком много боятся, в особенности попросить о помощи, и это парализует их жизнь, не дает им сдвинуться с мертвой точки.

В книге «Хватит ныть. Начни просить» Палмер анализирует эти барьеры, страх попросить и быть отвергнутым, как в своей жизни, так и в жизни ее окружения и обнаруживает эмоциональные, философские и практические аспекты искусства просить. Ведь это настоящее искусство — попросить так, чтобы быть услышанным.

УДК 784.071.2(73)
ББК 85.364.1(3)

ISBN 978-5-17-091361-9.

Copyright © 2011 by Amanda Palmer
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩЕНА МОЕЙ МАМЕ,
которая научила меня просить
через свою любовь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около десяти лет назад Аманда выступала на улицах Бостона в качестве живой статуи. В образе двухметровой невесты с белым лицом, если быть совсем точной. Издалека можно было видеть, как около нее останавливается прохожий, чтобы положить деньги в шляпу перед ящиком, на котором она стояла. А потом Аманда улыбалась, смотрела на него полными любви глазами и дарила цветок из ее букета. Меня бы вы так просто не заметили. Я была бы тем человеком, который обходит живую статую любимыми путями. Но это не значит, что я не кладу деньги в шляпу. Наоборот. Я предпочитаю оставаться на безопасном расстоянии, а затем, насколько это возможно, незаметно подкидываю деньги и удаляюсь. Я бы сделала все возможное, чтобы избежать зрительного контакта с такой статуей. Мне не нужен был ее цветок, мне хотелось остаться незамеченной.

У нас с Амандой Палмер нет ничего общего. В то время, как она прыгает на своих концертах в Берлине в одних военных ботинках и с укулеле* в руках в толпу, которая потом проносит ее над головами по всему зрительному залу, или задумывает перевернуть музыкальную индустрию с ног на голову, я, скорее всего, сижу за рулем автомобиля, собираю какую-нибудь информацию или даже сижу в церкви, если это воскресенье.

* Маленькая гавайская гитара (*Прим. пер.*).

Эта книга не о том, как наблюдать за людьми на безопасном расстоянии — с такого соблазнительного места, в котором большинство из нас живет, прячется и находит то, что мы называем, эмоциональной безопасностью. Книга «Хватит ныть. Начни просить»^{*} рассказывает о развитии доверия, она соприкасается — насколько это возможно, — с любовью, уязвимостью и близостью между людьми. Это неловкое соприкосновение. Опасное соприкосновение. Прекрасное соприкосновение. И если мы хотим остановить распространение недоверия, это именно то неловкое соприкосновение, которое нам необходимо.

Расстояние обманчиво. Оно искажает наше видение друг друга и наше понимание. Далеко не все писатели могут заставить нас осознать эту реальность, как это делает Аманда. Ее жизнь и карьера представляют собой исследование тесных связей. Ее лаборатория — это роман с искусством, обществом и теми людьми, которые ее окружают.

Почти всю свою жизнь я пыталась создать безопасное расстояние, барьер между собой и теми вещами, которые казались неопределенными, или теми людьми, кто мог бы сделать мне больно. Но как и Аманда, я поняла, что ты не найдешь свет в конце тоннеля. Не нужно отталкивать людей, наоборот, стоит быть к ним ближе.

Как оказалось, не такие уж мы с Амандой и разные, если присмотреться к нам поближе, а только так и можно рассматривать вопрос близости.

Семья, исследование, церковь — это те места, в которые я окунаюсь с самозабвением и которые связывают мою жизнь. Это те места, в которых я могу найти все, что мне нужно: любовь, душевную связь и веру. Теперь благодаря Аманде, когда мне страшно или скучно, или когда мне что-то нужно от общества, я прошу о помощи. У меня не особо хорошо получается, но я прошу. И знаете, что мне больше всего нравится в Аманде? Ее искренность. У нее тоже не всегда получается просить о помощи. Она старается, как и все мы. И именно в ее историях, выявляющих

^{*} The Art of Asking.

ее уязвимость, я вижу свое отражение, свою борьбу и нашу общую человеческую природу.

Для нас эта книга подарок свободного артиста, смелого инноватора и нарушителя спокойствия, подарок от женщины, которая обладает невероятной способностью заглядывать в те места нашего человечества, которые в этом нуждаются. Возьмите цветок.

Брене Браун



— У кого есть тампон? У меня начались месячные, — могу я громко объявить в женском туалете одного из ресторанов в Сан-Франциско или в гримерке на музыкальном фестивале в Праге, или сказать это ничего не подзревающим зевакам на вечеринке в Сиднее, Мюнхене или Цинциннати.

По всему миру без исключения я видела и слышала шуршание женских рук в сумочках или рюкзаках, пока кто-нибудь из них триумфально не достанет тампон. Никто никогда не брал за это деньги. Негласное универсальное правило звучит так: «Сегодня моя очередь брать тампон. Завтра наступит твоя». Существует постоянный кармический круг тампонов. Оказалось, что такая система так же работает с салфетками, сигаретами и шариковыми ручками.

Мне всегда было интересно, найдутся ли женщины, которые будут чересчур смущены такой просьбой? Женщины, которые скорее намотают огромный слой туалетной бумаги на свое нижнее белье, нежели попросят незнакомцев об услуге? Уверена, что они существуют. Но это не про меня. Не про меня, черт возьми. Я абсолютно не боюсь просить о чем угодно! У меня нет стыда. Думаю.



Мне тридцать восемь лет. Я основала свою первую группу The Dresden Dolls, когда мне было двадцать пять, выпустила первый студийный альбом в двадцать восемь. В музыкальной индустрии мой возраст считается старческим для дебюта.

Последние тринадцать лет я постоянно гастролирую, редко ночую в одном и том же месте несколько раз. Я безостановочно играю музыку для людей практически во всевозможных местах: в клубах, барах, театрах, на спортивных аренах, фестивалях (от клуба CBGB в Нью-Йорке до Сиднейского оперного театра). Я отыгрывала в Бостонском симфоническом зале целые концерты со всемирно известным оркестром из моего родного города. Иногда я встречалась

или гастролировала со своими кумирами: Синди Лопер, Трентом Резнором из Nine Inch Nails, Дэвидом Боуи, Weird Al Yankovic, Питером из Peter, Paul and Mary. Я написала, сыграла и спела сотни песен в студиях звукозаписи по всему миру.

Я рада, что так поздно начала этим заниматься. Благодаря этому, у меня было время на настоящую жизнь, за эти годы я творческим путем научилась каждый месяц платить за аренду. С подросткового возраста я сменила десятки мест работы. Но в основном я работала в качестве живой статуи — уличного артиста. Я стояла посреди тротуара, одетая в платье невесты с белым гримом на лице. (Вы же видели такие статуи, да? И наверняка интересовались, кто эти люди в реальной жизни. Привет. Мы — Настоящие.)

Работа в качестве статуи стала воплощением чистого, физического проявления нужды в помощи. Пять лет я бездвижно провела на ящике из-под молока и со шляпой у ног в ожидании доллара от какого-нибудь прохожего взамен на секундный контакт с человеком.

Когда мне было чуть больше двадцати, я испытала себя и в других профессиях, которые многому меня научили. Я работала баристой за 9,5 долларов в час (плюс чаевые), массажисткой без лицензии (без интима, 35 долларов в час), консультантом по брендингованию в доткомах (2000 долларов за один лист свободных доменов), сценаристом и режиссером (обычно без оплаты, чаще тратила свои деньги на реквизит), официанткой в немецкой пивной (75 немецких марок за ночь, плюс чаевые), продавцом одежды из секонд-хенда, которая выставлялась на продажу на территории моего колледжа (я могла заработать 50 долларов в день), ассистентом в багетной мастерской (14 долларов в час), актрисой в экспериментальных постановках (оплачивалось вином и пищей), обнаженной моделью/натурщицей в школах искусств (от 12 до 18 долларов в час), организатором подпольных салонов с денежными пожертвованиями (платили достаточно, чтобы покрыть расходы на алкоголь и аренду помещения), проверяла дресс-код

на нелегальных фетиш-вечеринках (100 долларов за вечеринку), так стала ассистентом производителя кожаных наручников на заказ (20 долларов в час), стриптизершей (около 50 долларов в час, но зависело от ночи) и какое-то время «Госпожой» (350 долларов в час, но были необходимы расходы на одежду и аксессуары).

Каждая из этих профессий помогла мне изучить человеческую уязвимость. Но главным образом, я училась просить. Почти каждый контакт с человеком сводится к самому действию и искусству просить.

Обращение за помощью, само по себе, является фундаментальным для любых взаимоотношений. Мы постоянно, иногда косвенно, а зачастую без лишних слов, просим о чем-то у своих начальников, супругов, друзей, подчиненных. Это помогает построить и сохранить наши отношения друг с другом.

— *Поможешь мне?*

— *Могу я доверять тебе?*

— *Ты не обманешь меня?*

— *Ты уве-е-ерен, что я могу доверять тебе?*

Чаще всего под всеми этими вопросами скрывается лишь желание знать:

— ***Ты любишь меня?***



В 2012 году меня пригласили выступить на конференции TED, я была в растерянности. Я не профессиональный оратор. Разорвав контракт со своей звукозаписывающей компанией несколькими годами ранее, я решила, что для записи своего следующего альбома обращусь к своим фанатам посредством Kickstarter — краудфандинговой платформы, благодаря которой тысячи авторов получают прямую финансовую помощь от людей, готовых поддержать твой проект. В итоге мои поклонники на Kickstarter потратили миллион двести тысяч долларов на предварительный заказ и оплату моего последнего альбома *Theatre Is Evil*.

* Театр — это зло (англ.).

Тем самым он стал самым крупным музыкальным проектом в истории краудфандинга.

Для непосвященных, краудфандинг* помогает собрать деньги на проекты (творческие, технические, персональные и другие) среди людей путем добровольных пожертвований в один большой «онлайн котел». Такие сайты, как Kickstarter, Indiegogo и GoFundMe, стали появляться по всему миру, чтобы облегчить процесс поиска тех, кто в помощи нуждается, и тех, кто готов эту помощь предоставить, и сделать этот процесс настолько практичным, насколько это возможно.

Как и любой другой деловой инструмент, он становится сложнее. Он стал Диким Западом онлайн, где артисты и разработчики пытаются открыть для себя новые способы обмена денег на искусство. Само существование краудфандинга привело к ряду более глубоких вопросов:

- *Как просить друг друга о помощи?*
- *Когда мы можем просить?*
- *Кто может просить?*

Мой проект на Kickstarter стал сенсацией: мои «жертвователи» — почти двадцать пять тысяч человек — в течение многих лет следили за моей жизнью. Они были взволнованы тем, что смогут подействовать моей независимости от звукозаписывающей компании. Однако помимо звонков от репортеров, которые никогда обо мне не слышали (что вполне ожидаемо, так как обо мне никогда не писали в *Rolling Stone*) и хотели знать, почему все эти люди мне помогают, я была удивлена некоторыми негативными комментариями по этому поводу. Запустив свою кампанию, я шагнула в уже бушевавшие во всю дебаты о том, стоит ли поощрять краудфандинг. Некоторые критики с порога отметали саму идею, называя ее примитивной формой «цифрового попрошайничества».

По всей видимости, просить о помощи было нехорошо. Ко мне относились как к преступнице по многим причи-

* (от англ.) Crowd — группа людей, funding — финансирование (Прим. пер.).

нам. У меня уже был контракт с крупной звукозаписывающей компанией, у меня известный муж, и я отъявленный нарцисс.

После этого я отправилась на гастроли со своей группой и как обычно обратилась к местным музыкантам-волонтерам, которые могли бы присоединиться к нам, чтобы вместе исполнить несколько песен. Я делала так и до этого, мы были тесным сообществом. В прессе меня разнесли в пух и прах.

После моего успешного краудфандингового проекта и того внимания, которое я привлекла, меня пригласили выступить на конференции TED. Меня, сравнительно неизвестного инди-рок музыканта, чтобы выступить с двенадцатиминутной речью на сцене, где обычно вещают известные ученые, изобретатели и преподаватели. Даже попытка понять, что сказать и как это сделать, мягко говоря, была чертовски страшной.

Я решила написать двенадцатиминутный перфоманс, включая игру на укулеле и пианино, и показать всю свою жизнь от утробы матери до Kickstarter. К счастью, от этой идеи я в итоге отказалась и предпочла прямолинейный рассказ о моей жизни в качестве уличного артиста, о краудфандинговом успехе и последующей отрицательной реакции публики. Я говорила о том, как я увидела несомненную связь между ними.

Когда я писала свою речь, я хотела обратиться к небольшой части своего социального окружения, моим странным, смущенным друзьям-музыкантам. Краудфандинг вызывал у них восторг и беспокойство. Я помогала многим друзьям с их собственными проектами на Kickstarter, мы разговаривали об их опыте и выступлениях в местных барах, на вечеринках, в примерках перед выступлением. Я хотела затронуть важную тему, которая меня беспокоила. *Я хотела сказать моим друзьям-артистам, что просить о чем-то — это нормально. Не нужно бояться просить деньги или просто обращаться за помощью.*

Многие мои друзья благодаря краудфандингу получили возможность осуществить свои проекты: альбомы, фильмы. Они смогли создать новомодные инструменты и арт-баржи

из переработанного мусора. Это те вещи, которые бы не существовали без подобного нового способа обмена энергией. Я видела, что многие испытывали трудности.

Каждый проект должен быть предоставлен видео, в котором создатель объясняет его суть и просит о помощи. Я съезживалась при просмотре некоторых видео своих друзей, которые смотрели (или не смотрели) в камеру и с запинками произносили: *«Хорошо, хм-хм, это очень странно! Привет всем, эм, ну вот. О боже! Нам так неудобно просить, это так неловко, но, пожалуйста, помогите проспонсировать наш альбом, потому что...»*

Я хотела сказать своим друзьям, что стыд и извинения не просто *излишни*, но и *непродуктивны*. Я хотела сказать им, что, по правде говоря, многие люди просто *обожают* помогать артистам, это не односторонняя помощь. Работающие артисты и поддерживающая их аудитория — две неотъемлемые части одной сложной экосистемы. Стыд портит атмосферу обмена, которая зиждется на доверии и открытости. Я надеялась, что смогу дать им что-то вроде универсального разрешения, чтобы они перестали без конца извиняться, беспокоиться, оправдываться и, ради Бога, просто *попросили*.



Я готовилась больше месяца, вышагивая по подвалу дома, который снимала. Я проговаривала свою речь друзьям и семье, пыталась уместить все, что я хотела сказать в двенадцать минут. Потом я поехала в Лонг-Бич в Калифорнию, глубоко вдохнула и выступила, зал аплодировал стоя. Спустя несколько минут в холле конференц-зала ко мне подошла женщина.

Я все еще была в оцепенении. Сознание постепенно возвращалось ко мне. Женщина представилась:

— *Я наставник выступающих на конференции, —* начала она.

Я замерла. Мое выступление должно было длиться ровно двенадцать минут. А я несколько раз останавливалась, теряла мысль и в итоге простояла там больше тринадцат

цати минут. «Черт, — подумала я. — Меня уволят». То есть они не могут, конечно, уволить меня. Дело сделано. Но все же. Я пожала ее руку.

— *Здравствуй! Мне очень жаль, что я выступала дольше положенного. Мне, правда, жаль. Я совершенно забылась. Но все прошло нормально? Я справилась? Меня уволили?*

— *Нет, глупая, тебя никто не увольнял. Вовсе нет. Твое выступление...* — она не смогла закончить. Ее глаза наполнились слезами.

Я стояла в недоумении. Почему наставник на TED готова была расплакаться передо мной?

— *Твое выступление позволило мне понять то, с чем я боролась долгое время. Я тоже творец, я драматург. Столько людей хотят мне помочь с тем, что мне нужно сделать, но я не могу, я не была готова...*

— *Попросить?*

— *Именно. Попросить. Это так легко. Благодаря твоему выступлению я поняла кое-что важное. Почему, черт возьми, нам так трудно попросить о чем-то, особенно если другие готовы помочь? Спасибо тебе. Большое спасибо. Это настоящий подарок.*

Я обняла ее. И это было только начало. Два дня спустя мое выступление появилось на сайте TED и на YouTube. За день видео набрало сто тысяч просмотров. Потом миллион. А год спустя — восемь миллионов. Меня удивило не количество просмотров, а те истории, которые за этим последовали, будь то комментарии под видео или комментарии людей, которые останавливали меня на улице, хотели поговорить не потому, что любили мою музыку, а потому что видели мое выступление онлайн.

Медсестры, газетные редакторы, инженеры, учителя йоги, водители грузовиков — словом, у всех было чувство, что я обращалась именно к ним. Архитекторы, координаторы проектов и фотографы рассказывали мне, как им «трудно просить о помощи». Многие из них обнимали меня, благодарили, плакали.

Моя речь вышла за рамки той аудитории, на которую я рассчитывала, а именно на инди-рокеров, которые не могли попросить пять баксов на Kickstarter и не зарыть при этом голову в песок.

Я держала всех за руки и слушала их истории. Владельцы малых предприятий, конструкторы солнечных панелей, школьные библиотекари, организаторы свадеб...

Одно было понятно: эти люди не напуганные музыканты. Это были просто люди. Очевидно, я задела их за живое. Но как именно?

На этот вопрос я не могла ответить до ночи перед моей свадьбой с Нилом.



Все началось несколько лет назад: я встретила Нила Геймана.

Для писателя Нил знаменит. Его знают все.

В течение нескольких лет мы гонялись друг за другом по всему миру, как только появлялся свободный денек в расписании моих гастролей или его писательских турне. Мы влюблялись, чувства возникли не сразу, а потом мы сбежали к друзьям, потому что не могли справиться со стрессом надвигающейся свадьбы.

Мы не хотели проявить неуважение к нашим семьям, поэтому пообещали организовать большую официальную свадебную вечеринку через несколько месяцев. Мы решили провести ее в Великобритании, где живет большинство родственников. (Нил — британец, как и многие мои двоюродные братья и сестры.) Кроме того, место было волшебное. У Нила был дом на крохотном островке в Шотландии, так совпало, что там же родилась и моя бабушка по материнской линии. Это было потрясающее, но опустошенное место, откуда мои предки бежали в начале 1900-х в поисках светлого, но менее потрясающего будущего за океаном, в перспективном Бронксе.

В ночь перед свадьбой мы с Нилом легли спать пораньше, чтобы набраться сил перед грандиозным днем торжества и знакомством двухсот родственников друг с другом. По-

мимо трех взрослых детей Нила с нами в доме оставались его мама и еще некоторые его родственники. Все они не жились в своих кроватях в комнатах напротив, на верхнем этаже. А несколько двоюродных сестер и братьев ночевали в палатке на заднем дворе. Мы спали на втором этаже дома, и пока Нил лежал рядом, у меня случилась паническая атака. Где-то в глубине души я боялась замужества. Внезапно я почувствовала, что все это реально из-за всех этих родственников вокруг. Что я делаю? Кто этот парень? Но по большей части я сходила с ума из-за денег. Я должна вот-вот запустить свой проект на Kickstarter, и я была уверена, что соберу много денег. Я посчитала. Но я была не на гастролях, а на севере Шотландии, и готовилась к свадебной вечеринке. Я хотела создать новую группу, но у меня не было дохода. До этого я поговорила со своим бухгалтером. Он сказал, что у меня недостаточно денег, чтобы заплатить персоналу, группе, команде, которая ездит с нами в турне. Чтобы собрать необходимую сумму, мне немедленно нужно было отправляться на гастроли или же брать кредит.

Для меня это была знакомая ситуация. К периодическому беспокойству моих менеджеров я всю свою взрослую жизнь вкладывала заработанные деньги в новые проекты и новые альбомы. За всю свою карьеру я была богатой, бедной или кем-то средним. Я никогда не обращала внимания на счета, если только не была совсем без гроша в кармане. Это время от времени случалось из-за непредвиденного налогового счета, или если мы не могли продать билеты на шоу. Для меня это никогда не было концом света. Я занимала деньги у друзей или у семьи, а потом при первой же возможности сразу же возвращала.

Я была экспертом в таких делах и просила о помощи, когда она была необходима, мне не было стыдно, наоборот, я гордилась своей чистой «кредитной» историей. Я также тешила себя мыслью, что многие мои друзья-музыканты (да и друзья по бизнесу) проходили через такие же круги голода и пиршеств. В конечном счете, все всегда складывалось хорошо. Только в этот раз была другая проблема. Теперь деньги хотел одолжить мне *Нил*. А я не могла их